

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, доцента, профессора кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») Ольхова Павла Анатольевича на диссертацию Шмелёва Дениса Алексеевича «Философия истории Александра Кожева в контексте русской философской традиции», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 История философии (философские науки)

Актуальность диссертации Д.А. Шмелёва не вызывает сомнений: у этой квалификационной работы молодого ученого (впрочем, достаточно известного, узнаваемого по своим публикациям в философском сообществе России) – нетривиальная тема, исследовательские стратегии и техники, добротные обеспеченные историографическим энциклопедизмом, общими познавательными установками, архивной тщательностью, отчетливыми и профессионально сложными структурами логической и риторической аргументации. В мировых гуманитарных исследованиях – прежде всего историко-философских – обращение к наследию А. Кожева (А.В. Кожевникова) происходит со всевозрастающей интенсивностью; предельным становится интерес не только к обстоятельствам мышления этого особенного русского интеллектуала, сказавшимся в нём «веяниям и влияниям», но и к устройству, структуре и его доминантным смыслам. Этот новый интерес, разумеется, предполагает удержание ранее состоявшихся исследовательских результатов; вместе с тем, актуальным становится своего рода эксперимент – постановка под вопрос предпосылочных оснований творчества мыслителя, уже известных и неявных. На мой взгляд, диссертация, по существу, представляет собою уникальный и весьма своевременный случай такого эксперимента.

Экспериментальна, эвристична в этом отношении уже основная речевая формула диссертации; «философия истории» – вариативное именование, примененное самим Кожевым для одной из своих работ, основной предмет которой далек от философских исследований собственно исторических процессов, в их темпоральной или событийной фактичности. Подобным

образом создает особую исследовательскую перспективу тематическое формульное указание на неявную связь трудов А. Кожева с русской философской традицией, которую «ни в коем случае нельзя назвать безусловной» (с. 56 и др.). Привычка Кожева мыслить и говорить от первого лица, чаще всего безотсылочно, происходит из состояния некоего посмертия русской мысли, когда, вероятно, для мыслителя уместнее не пространное поминовение, не почтительный синодик, а только искреннее слово о насущном. Стил мышления Кожева во всяком случае предполагает интерес «не к философам, а к мудрости»; тем самым ускользает – требует повышенного исследовательского внимания – собственно онтологическая определенность кожевской мысли, на посильное проявление которой и направлена, думаю, диссертационная работа Д.А. Шмелёва.

Дело не идёт о том, чтобы претендовать на некоторую концептуальную «мертвую точку» (по слову М.М. Бахтина); вряд ли в отношении кожевского, плавкого или «апофтегматичного» по общему настроению, мышления такая претензия осуществима. Д.А. Шмелёв предлагает нечто куда более основательное: корректный герменевтический поиск первичных смыслов, некоторое исследовательски всестороннее движение к исходным познавательным «чувствам», того несомненного смыслового горизонта, который можно усмотреть в *историзме мышления* А. Кожева, ангажированного историей как некоторой вспомогательной нарративной субстанцией, условием опознания историчности собственного опыта прочтения того, что называют историей.

Диссертация изобилует библиографией; все основные и периферийные, гипотетически незавершенные, подходы к пониманию истории жизни и мышления А. Кожева так или иначе учтены и, как правило, оформлены в виде доброжелательной хрии, возобновляются циклически и т.д. Весьма подробны, квалифицированно подготовлены и обоснованы перечни исследовательских задач и новизны, положений, выносимых на защиту и пр. Однако изложение исследовательских результатов, его систематичность и последовательность,

далеки от какой бы то ни было эклектической или компилятивной небрежности; есть диссертационно выдержанная предметная перспектива, в пределах которой – пристрастность Кожева не столько к истории, сколько к её «концу», историчная искренность познавательных желаний мыслителя, далекого от какой бы то ни было онтологической или «религиозной» окончательности, но готового вполне беспощадно оперировать финализмом последних, «генологических» понятий, принадлежат ли они В.С. Соловьеву (впрочем, не сказавшему Кожеву ничего нового, вторичному по отношению к западной философской традиции), Н.А. Бердяеву, С.Л. Франку или кому-то еще.

Введение в диссертацию, по виду, – монографический пролог. Главы и параграфы, целиком соответствуя своим названиям, характеризуют возможности разных исследовательских подходов к пониманию историчности кожевского мышления (подробно и аналитически детально внимание к работам А.М. Руткевича, Д.В. Токарева, Б. Гройса, А. Жюбара, Р. Николя, Т. Уилсона, И. Джейкобс и др.; примечательна комплексная, основательная характеристика материалов специального выпуска журнала «Studies in East European Thought» 2023 года с тематизацией «Александр Кожев и русская философия»). Обоснованность этих подходов выверяется и уточняется при систематическом внимании к текстам ближайших современников, собеседников А. Кожева и всей той сферы философского разговора, в которую был вовлечен А. Кожев как читатель или комментатор работ Р. Декарта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, Фр. Ницше и мн.др.

Примечательны указания Д.А. Шмелёва на дружескую взаимность мышления А. Кожева и А. Койре, прот. Георгия Флоровского, Л.П. Карсавина; «чужая одушевленность» (как сказал бы И.И. Лапшин) здесь совсем не помеха – Кожев по своему познавательному настроению ближе той эстетике исторического понимания, которая предполагала не только историческое самочувствие, но и сочувствие истории как некоторой познавательной реальности; у кого-то это доходило до ювелирной онтологии истории (едва ли не ярче всего – у Л.П. Карсавина); у кого-то отличалось антропологической

глубиной (как у о. Георгия Флоровского), было евразийски мечтательным или решительно «атеистическим» или «диалектическим» и т.д.; никаких таких концептуальных крайностей у Кожева не найти. Он определён в своих исследованиях; но в ситуации «конца истории» далек от того, чтобы высказываться с некоторой обязующей философской решительностью (хотя готов к самым разным речевым встречам, разговору на разных философских языках). Характерен в этом отношении архивный текст А. Кожева, впервые опубликованный на английском языке, – «О творческой свободе и фабрикации душ (Ответ проф. Н.А. Бердяеву)», который был переведен, издан и прокомментирован Д.А. Шмелёвым.

В целом, ключевым для прояснения и сосредоточенного обоснования исследовательской позиции Д.А. Шмелёва относительно историчности мышления А. Кожева, полагаю, возможно считать первый параграф второй главы «Любовь и признание: эротософия Вл. Соловьева и философская антропология А. Кожева». Ключ, разумеется, не единственный: работа весьма хорошо сбалансирована и в отношении общих или, во всяком случае, отзывающихся в трудах Кожева мотивов историософии К.Н. Леонтьева, диалектики и антитеологизма М.А. Бакунина, интерпретативных перекличек с трудами И.А. Ильина и др. Но этот ключ весьма способствует пониманию той герменевтики желаний, которая, можно предполагать, образует внутреннюю форму философии истории А. Кожева, русского мыслителя «ушедшей расы» – свидетеля тех смыслов истории, которые сохранялись в опыте его философской серьезности, практико-познавательной «мудрости», которая оказывается весьма трудной и весьма занимательной для современного кожевоведения и всей истории русской философии – исследований, переоткрывающих событийно насыщенный историзм русских практик мышления в иных онтологических горизонтах, только открывающихся или вновь узнаваемых в новое время «после истории».

Диссертация Д.А. Шмелёва имеет высокое исследовательское качество; текст подготовлен к защите тщательно; значительных квалификационных

недостатков здесь нет (неловким будет обращать внимание на редчайшие технические погрешности вроде путаницы в инициалах И.А. Жиленкова и т.п.). Между тем, вполне можно заметить о герменевтической перспективе, которая могла быть учтена в настоящей диссертации и во всяком случае усматривается как продолжение работы Д.А. Шмелёва, – исследования *речевого мышления* Кожева, определенность которого часто очевидна: при сравнении комментариев и рабочих переводов «Феноменологии духа» А. Кожевина на французский, с их ближайшим диалогизирующим фоном, который образует полный перевод «Феноменологии духа» Жана Ипполита, пристрастного, вплоть до смыслового соперничества, собеседника А. Кожева, и перевода «Феноменологии» на русский, сделанный Г.Г. Шпетом; уместно также обратить внимание на речевые «зеркала сочувствия», в качестве которых вполне могут представлять работы по истории философии и науки и философии истории А. Койре, Л.П. Карсавина и др. В этой связи замечу еще, что очевидно обстоятельная, концептуально отчетливая и аргументативно объёмистая диссертация вполне заслуживает скорейшей публикации в качестве монографии и «совместного мышления» – широкого обсуждения в российском и мировом философском сообществе.

Иными словами, диссертация Д.А. Шмелёва является исследовательской работой, выполненной самостоятельно и на высоком научном уровне. Полученные исследовательские результаты позволяют квалифицировать диссертацию как завершённую научно-исследовательскую работу на актуальную тему. Новизна диссертации существенна для современных и перспективных исследований в области истории философии и, специально, философии истории А. Кожева. Результаты проведенного исследования всесторонне апробированы в публичных выступлениях и открытой печати. Автореферат соответствует основному содержанию работы. Язык диссертации академически свободный, весьма отчетливый в своем понятийном строе, формулировках аргументов, стилистически выверенный и непринужденный.

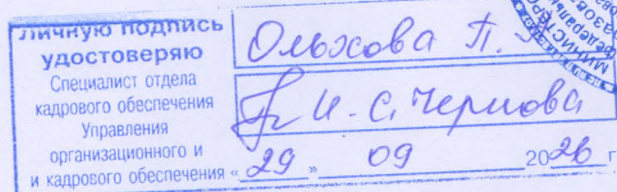
Таким образом, диссертация Шмелёва Дениса Алексеевича «Философия истории Александра Кожева в контексте русской философской традиции»,

представленная на соискание учёной степени кандидата философских наук, полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а её автор заслуживает присуждения искомой степени по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки).

Официальный оппонент,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и теологии
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(НИУ «БелГУ»)

П.А. Ольхов

Выражаю согласие на обработку персональных данных.

Сведения об оппоненте:

Фамилия, имя, отчество: Ольхов Павел Анатольевич

Учёная степень, звание: доктор философских наук, доцент

Специальность: 9.00.03 – История философии

Место работы: ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Должность: профессор кафедры философии и теологии

Телефон: + 7 961 165 12 13

Электронная почта: pavel.olkhov@yandex.ru

Сведения об организации:

Полное наименование: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Юридический адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,

Телефон: (4722) 30-12-11 **Факс:** (4722) 30-10-12, (4722) 30-12-13

Электронная почта: Info@bsuedu.ru